

№ 5
1935

А. ДИКИЙ

Мои взгляды на театр определяются 25-летним опытом актерской и режиссерской работы.

Я рассматриваю театр как самостоятельный вид искусства, стоящий особняком и объединяющий все другие искусства. Театр — сложный, тончайший и едва ли не самый трудный вид искусства.

Если всмотреться в репертуар нашего театра, то легко можно заметить, что, ставя того или иного драматурга, театры обычно «сездают» его под себя, придают произведению черты, свойственные собственному углу зрения. Одна и та же пьеса прозвучит по-разному в Художественном театре, в Малом, у Мейерхольда, в Камерном театре.

Шекспир в Художественном театре будет чем-то напоминать Чехова, в Камерном будет отдавать нео-реализмом, в Малом театре получит какие-то бытовые тона.

Мне кажется, что для каждого драматурга, даже для каждого его произведения нужна своя самостоятельная форма, свойственная только данному произведению, и при этом не только вытекающая из содержания, но выражающая это содержание.

Прежде чем ставить тот или иной спектакль, режиссер должен решить — как и во имя чего будет он ставить этот спектакль, какие формы будут наиболее ярко и полно выражать основную мысль содержания.

Мы все знаем, например, пьесу *Смерть Тарелкина*, знаем также и то, что Сухово-Кобылин до сих пор еще не решен на театре, несмотря на ряд талантливых режиссерских попыток.

Мейерхольд некогда ставил *Смерть Тарелкина* в тонах символического реализма и, видимо, остался не совсем удовлетворен своей работой, хотя спектакль получился большим и цельным. Второй раз Мейерхольд ставил *Смерть Тарелкина* уже в чисто цирковом плане. Два совершенно разных спектакля, две совершенно различные сценические формы, выражают одну и ту же пьесу. Но ведь могут быть и третье, и четвертое, и пятое решения *Смерти Тарелкина* на театре. Мне, например, кажется, что «реалистическая химера» не только интересная форма, но форма, единственно выявляющая Сухово-Кобылина. Пока эта форма еще не использована на театре. Дальше так называемого «гротеска» мы не пошли. Театр Сухово-Кобылина в живописи, мне кажется, мог бы передать глубже других испанский художник Гойя.

Мне всегда трудно решить, что ставить, я делаю все возможное, чтобы оттянуть момент окончательного решения, но, решившись на бой, стараюсь вести его без компромиссов и до конца.

Выбор пьесы зависит не только от ценности художественного произведения, но и от творческого «аппетита» режиссера к той или другой пьесе. Где-то на стыке этих двух моментов и решается вопрос репертуара.

Я почти не могу работать, если не заинтересован творчески, и уж никак не способен ставить любую пьесу. Мне нужно так заинтересовать себя, чтобы пьеса стала для меня интересным и любимым делом. Решить драматурга — значит найти свойственные только ему одному выявления темперамента, фантазии, ритмов построения слова в спектакле.

Каждый подлинный драматург — самобытен. Каждое произведение одного и того же драматурга — своеобразно. Театр должен это чутко улавливать.

Театр, который нивелирует драматургов, подравнивает их под свой метод и ставит пьесы в единой свойственной ему форме — плохой театр.

На мой взгляд актер должен быть настолько подвижным и разнообразным, чтобы обладать способностью охватывать все формы. О таком актере я мечтаю, но таких актеров еще очень мало.

Искусство режиссера очень сложно. Допустим, что режиссер остановился на мысли ставить *Отелло*. Когда наступит момент работы с актером, режиссер уже должен знать, в какой форме и как трактовать тра-

Засл. арт. респ. А.
Д. Дикий — Джон.
«Сверчок на печи»
Ч. Диккенса.
МХТ II

Засл. арт. респ. А.
Д. Дикий — Пла-
тов. «Блоха» Е. За-
мятина по Лес-
кову. МХТ II

гедию Шекспира, ибо от решения сценической формы зависит все. Не вообразите, что я формалист; напротив, я не принимаю опустошенной и выхоленной формы. Речь идет о форме, выражающей определенное содержание наиболее ярко и доходчиво, наиболее эмоционально воздействующее на зрительный зал. В таком смысле — искание новых форм насущно необходимо дело в театре.

При устремлении глубоко и остро решить драматурга, каждая пьеса для меня тем самым является, прежде всего, предлогом для спектакля. Отсюда отнюдь не вытекает, что я намерен исковеркать произведение; это значит лишь, что я перевожу его на язык театра, стараюсь передать основные мысли драматурга в новом качестве сценического искусства.